

НИКА
ОБОЛЕНСКАЯ

МАРИЯ
ПТАХОВА

ВЛАСТЬ
СТРАСТЬ
БОЛЬ

**ХОЧУ
ТЕБЯ**

ЛЮБВИ
НЕТ
В ПРАЙСЕ

Ника Оболенская

Хочу тебя. Любви нет в прайсе

«Литнет»

2025

Оболенская Н.

Хочу тебя. Любви нет в прайсе / Н. Оболенская — «Литнет»,
2025

— Я хочу тебя. Властный голос босса заставляет меня замереть на месте. —
Простите, что вы сказали? — лепечу, не в силах поверить, что это не мои
слуховые галлюцинации. Артем Борисович несомненно обладает многими
достоинствами, но он пугает меня до чертиков. И вот сейчас он мне сказал
... — Не притворяйся душой, Есения, — тянет с ленцой. — Ты прекрасно
слышала, что я сказал. Я. Тебя. Хочу. С расстановкой. Четко. Простая
констатация факта. _ _ _ _ _ Властный герой ♥ Очень
эмоционально Босс и подчиненная ♥ Горячо и откровенно

Содержание

Глава 1. Хочу тебя	5
Глава 2. Ее копия	7
Глава 3. Вопрос в цене	9
Визуалы	11
Глава 4. Огонь	12
Глава 5. Ад	14
Глава 6. Что если...	16
Глава 7. ...он передумал?	18
Глава 8. На колени	20
Глава 9. Новые обязанности	23
Глава 10. Афтершок	26
Глава 11. Мантры	28
Глава 12. Последний ужин	30
Глава 13. Глупая золотая рыбка	33
Глава 14. Нагулялась?	36
Глава 15. Солнце	39
Глава 16. Самообман	41
Глава 17. Адвокат дьявола	43
Глава 18. Философ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. Хочу тебя

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют ненормативная лексика, сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания.

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Авторы не призывают и не поощряют поступать так, как описано в данном художественном произведении.

Есения

— Лучше бы ты с таким рвением мне отсосала.

Задумчивый, властный голос моего босса раздается в тишине кабинета.

Я замираю в нелепой позе — на коленях перед ним с зажатой в руке салфеткой.

Взгляд застывает в районе ширинки брюк Артема Борисовича, где под мокрым кофейным пятном явно обозначается бугор — наглядная демонстрация его желания.

Тело бросает в жар, а через мгновение ледяные мурашки бегут по спине.

— П-простите, что вы сказали?

Артем Царев несомненно обладает многими достоинствами, но меня он пугает — до чертиков.

Огромный, властный, с непрошибаемой харизмой и уверенностью, что одной бровью он может поставить этот мир раком...

И вот сейчас он мне сказал... он сказал...

— Не притворяйся душой, Есения, — Царев тянет слова с опасной ленцой, откинувшись в своем кожанном кресле.

Я ощущаю взгляд его холодных, серых глаз кожей. Цепкий. Пронизывающий меня до самого нутра.

Он будто оценивает.

Как дорогую, но пока не оправдавшую надежд вещь.

— Ты прекрасно слышала, что я сказал.

Подцепив мой подбородок, Царев задирает мою голову выше. Его горячие пальцы скользят по коже, большой касается моей нижней губы, оттянув ту вниз.

— Я. Тебя. Хочу.

С расстановкой. Четко. Исключая любую двусмысленность.

Просто констатация факта. Или, в случае Царева — приказ, который пока еще звучит, как предложение. Но в его исполнении эта разница едва ощутима.

После его слов наступает оглушительная тишина, в которой я отчетливо слышу, как мое сердце барабанит о ребра.

Хочу.

Это слово висит в воздухе тяжелым, осязаемым облаком. Оно не имеет ничего общего с романтикой или чувствами. Даже на сексуальное влечение похоже слабо.

Это больше о... владении? Потреблении?

Как если бы речь зашла о новом проекте, дорогом автомобиле или запонках взамен тех, что сейчас сверкают на манжетах его рубашки.

Последние забирала я в одном из люксовых бутиков. Платина, агаты в окружении черных бриллиантов — роскошь по предварительной записи за полгода.

Но я-то не вещь!

Внутри поднимается волна возмущения. Она дает мне силы отстраниться и встать с колен.

Теперь я возвышаюсь над Царевым, но это такое игрушечное преимущество.

— Артем Борисович, — голос мой дрожит, предательски срываясь и выдавая меня с потрохами. — Это... это невозможно. Неприемлемо. Вы... я...

Царев усмехается. Коротко, беззвучно. Уголок его рта дергается вверх, но в глазах — ни капли тепла.

— Вот именно. Я и ты, Есения. В этом уравнении нет неизвестных. И нет ничего невозможного.

И он шагает взглядом по мне. Дразняще медленно спускается сверху вниз — от распахнутого на одну пуговку воротничка рубашки до мысков остроносых туфель.

А потом вскидывает его вверх и пригвождает меня к полу.

Я чувствую себя так, будто стою перед ним обнаженная.

Инстинктивно рука с зажатой в ней салфеткой тянется прикрыть наготу.

Губы Царева растягиваются в снисходительной ухмылке, и я вдруг понимаю.

Его забавляет мой страх. Он играет со мной, как хищник со своей добычей.

Собрав крупы смелости, выпаливаю:

— Я... я замужем.

И как школьница, которую застукал завуч с сигаретой в туалете, прячу правую руку за спину. Потому что кольца на пальце нет.

Золото из дома в ломбард ушло одним из первых.

— Замужем, — Царев повторяет это слово с унижительной насмешкой. И впервые за весь разговор спрашивает:

— Меня должно это остановить?

Дорогие наши читатели! Мы рады пригласить вас в нашу горячую историю! Будет остро, будет жарко, запасайтесь узбагоином! Мы будем вам очень признательны, если вы поддержите историю звездочкой ##! Это очень важно! Ведь так книгу сможет увидеть еще больше читателей! Вам не сложно, а нам дико приятно!

Пристегните ремни, мы взлетаем!

С добром, Маша и Ника##

Кстати, наша книга "Любви нет в прайсе" участвует в горячем литмобе "Властные боссы"

Требовательные и влиятельные. Притягательные и сексуальные. Горячие и эмоциональные. Самые-самые...
Всё это - они.
Властные боссы.

<https://litnet.com/shrt/yeDe>

Глава 2. Ее копия

Артем

Все женщины шлюхи?

Спорное утверждение. Почти философия или извечный вопрос в пьесе Шекспира: «Быть или не быть?»

Можно долго рассуждать о чести и достоинстве, о морали, но на самом деле вопрос только в цене.

Всегда только в ней.

И у каждой шлюхи она своя...

Одна с легкостью раздвинет ноги за тарелку пасты с морепродуктами и бокал игристого, другая оценит себя в трешку с видом на Кремль.

Странные размышления в разгар рабочего дня, не так ли?

Вопреки расхожему мнению мужчины не думают каждую секунду о сексе.

Но прямо сейчас я готов поспорить с этим утверждением.

Потому что от вида белобрысой макушки новой помощницы, так неприличной близко склоненной к моей ширинке, все внутри сворачивается в болезненный, тугой узел.

Кровь резко толкается вниз. Пальцы покалывает от желания провести по ее скуле. Проверить, не нарисованная ли эта родинка.

Зачем?

Знаю же, что это не Дана.

Хотя, когда увидел фото в резюме — сомнения были. Современная пластика творит еще и не такие чудеса.

Но служба безопасности сработала быстро и четко, доложив, что моя первая «любовь» сейчас в Эмиратах. Наверняка стоит примерно в такой же позе перед очередным питательным шейхом.

Невольно в голове всплывают образы из прошлого. От внутреннего дискомфорта рука сама сжимается в кулак.

Пошла ты на хуй, Дана! Хотя... ты и так уже там.

А здесь... здесь твоя копия.

Светлые волосы, карие — такого необычного оттенка виски — глаза, пухлые губы и родинка на щеке...

Последняя притягивает особо сильно. Не бывает же таких совпадений! Или бывают?

Есения.

Сама невинность, упакованная в строгий дресс-код, как в броню.

Она будто бросает мне вызов. Будит инстинкты охотника — догнать, подмять под себя и... похотливо разложить тут же, на ковре.

Досадливо морщусь от осознания, что все-таки повелся.

Если бы я не знал наверняка, то решил, что у меня галлюцинации. Сердце гулко бьется о ребра каждый раз, когда ее вижу.

И как же это бесит!

Решение взять ее на работу было едва ли продиктовано здравым смыслом. Скорее необходимостью держать эту девушку в поле зрения.

Усмехаюсь.

Серьезно? Необходимостью?

С каких это пор я вру сам себе?

Скорее, одержимостью разгадать этот чертов ребус.

Наблюдаю из-под ресниц за своей новой помощницей, пытливо подмечая все ее «знаки»: взгляд, якобы брошенный украдкой; румянец на щеках; прикушенную губу; грудь, соблазнительно выставленную в таком удачном ракурсе.

Остывший кофе, пролитый мне на брюки — очередная уловка или нет?

Поза, в которой застыла моя помощница, тонкие пальцы, так настырно ползущие к моему паху, взгляд из-под ресниц — все выдает в ней опытную маленькую шлюшку.

Решила получить преференции по работе, м?

Кто я такой, чтобы рубить на корню такое похвальное рвение.

— Лучше бы ты мне отсосала, — предлагаю вариант, пристально наблюдая за ее реакцией.

И она следует незамедлительно: отлично сыгранный испуг и эта неподражаемая маска оскорбленной невинности.

Был бы я сопливым пацаном, точно повелся.

Но я уже видел подобные спектакли — сюжет всегда один и тот же, меняются только актрисы.

— Не притворяйся дурой, Есения, — прекращаю этот театр. — Ты прекрасно слышала, что я сказал.

Желание, тлеющее внутри с того момента, как увидел ее на коленях перед собой, разгорается с новой силой.

Хочу ее рот на своем члене.

Ощутить влажное касание языка.

Дана умопомрачительно делала минет. Шлюха точно знала свои слабые и сильные стороны.

Интересно, как с этим дела обстоят у ее копии?

— Я... я замужем! — пищит Есения и затравленно смотрит на меня.

Девочка, ты уже переигрываешь.

Да и какое мне дело до штампа в твоём паспорте?

Глава 3. Вопрос в цене

Есения

— Меня должно это остановить? — он будто спрашивает о какой-то мелочи.

Я теряюсь.

— Твоя личная жизнь меня мало волнует, Есения. Как и твой брак. — Он играет пальцами в воздухе: — Или ты наивно веришь в «долго и счастливо»?

От его слов становится физически больно, будто ткнули пальцем в открытую рану. Всю ту боль, страх и унижение, что я прячу за профессиональной маской, Царев вытащил на свет и готов препарировать с хладнокровием патологоанатома.

Мой брак давно превратился в вынужденное сожительство. Я тащу эту ношу с собой, не способная бросить. Но это мой выбор! И не кому-то за меня решать.

— Вы не имеете права...

— Имею, — перебивает Царев резко. Его голос, утратив ленивую тягучесть, ставится стальным.

Босс медленно поднимается из кресла, я сразу же чувствую себя крошечной песчинкой.

Кажется, что он занимает все пространство кабинета, воздуха резко становится меньше. Я забываю, как дышать, ноги ватные.

Царев стоит так близко, что его дыхание касается моих волос на макушке.

Он не двигается, но даже так подавляет меня.

Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, которые я безуспешно пытаюсь не кусать, а потом спускается к дрожащим рукам, сжимающим края пиджака.

— Вы считаете, мне это должно польстить? — прячу за этой колкостью полный раздрай.

Я бы с удовольствием дала ему пощечину! Вот прямо сейчас! Но мне так нужна эта работа...

— Вопрос не в том, нравится ли тебе это или нет.

Снова смотрит на меня сверху вниз.

— Вопрос в цене, Есения. Всегда только в цене.

От отвращения тошнота подкатывает к горлу. Немею, но от меня и не ждут ответа.

Царев продолжает забивать гвозди в крышку моего гроба... и моей карьеры. Я уже понимаю, что не останусь здесь ни одной лишней секунды.

— Ты красива, — произносит он так, будто это все объясняет..

— Разве этого достаточно? — выпаливаю резче, чем хотелось бы.

— В твоём случае — да.

Почему мне чудится в его словах какая-то недосказанность?

Красивых женщин полно. Но почему я?!

Царев придвигается ко мне вплотную. Теперь я чувствую крепкий запах сигарет и легкий, едва уловимый аромат его дорогого парфюма — что-то одновременно притягательное и опасное. Как десятибалльный шторм или торнадо.

— Я предлагаю тебе сделку, — по-деловому спокойно произносит он, но напряжение в кабинете только возрастает. — Ночь со мной...

Я отчаянно трясую головой, но Царев не дает мне возразить, прижав палец к губам:

— Ш-ш-ш, я не закончил. Ты проводишь ночь со мной, а взамен получаешь...

Он озвучивает сумму. Неприлично, бессовестно большую.

— Подумай хорошенько, Есения. Я гарантирую полную конфиденциальность. Безопасность

Обыденность, с которой он все это произносит, поражает меня до глубины души.

О какой безопасности речь, если меня покупают?!

Царев делает паузу, давая словам врезаться в сознание подобно иглам.

— Ты получишь хорошие деньги, Есения. Приятным и необременительным способом. Такой оплеванной я чувствовала себя однажды.

Поселковая поликлиника, гинеколог, мой первый осмотр, грубая тетка и ее толстые пальцы во мне. Унизительная процедура и не менее унизительные комментарии. Тогда я растерялась и не смогла дать отпор.

Сейчас я снова чувствую себя четырнадцатилетней девчонкой.

И это ужасно.

После слов босса повисает тишина — густая, звенящая. Такая, что шум города за огромными окнами его кабинета кажется далеким, нереальным.

В ушах стучит кровь.

Образы в голове всплывают сами: мама, бледная, с прижатой к груди рукой; муж, вернувшийся под утро с безумными глазами и новым долгом; бумаги об ипотеке, как дамоклов меч...

И Царев. Этот властный, циничный мужчина, что предлагает мне сделку с дьяволом.

— Я... я не проститутка! — выдыхаю рвано, чувствуя, как слезы предательски подступают к глазам.

Визуалы

Артем Царев

30 лет, холост, бесовестно богат и прямолинеен в своих желаниях

«Мои спутницы прекрасно знают границы, которые не стоит нарушать. Они не требуют клятв в любви... только Картье или Тиффани.

И меня все устраивает. Бизнес — слишком сложная штука, чтобы отвлекаться на что-то еще, кроме подсчета прибыли и рисков.

А купить... купить можно всё». (с)

Есения

24 года, замужем, вся в долгах и готова на все ради близких

«Да, Царев, ты купил меня. Мое тело. Мое время. Но не мою душу. Она, как и любовь, в прайсе не значит!» (с)

Глава 4. Огонь

Есения

 — Я... я не проститутка! — выдыхаю.

Но даже в этом протесте нет силы, только отчаянная слабость загнанной в угол жертвы.

Царев снова усмехается. На этот раз в его холодных глазах мелькает что-то похожее на азарт.

— Конечно, нет. Проститутка лишь продает секс по бросовой цене. Я же хочу весь пакет: душа, тело и эмоции. А это... это стоит дороже. Гораздо дороже.

— Но почему я? — задаю вопрос, который вертится с самого начала этого безумного разговора.

Всю эту неделю я старательно исполняла свои обязанности. Была безукоризненно вежлива. Исполняла, напоминала, предугадывала и еще куча глаголов!.. Но, главное, я не крутила хвостом, стараясь привлечь к себе ненужное внимание, а ра-бо-та-ла!

Что же изменилось сейчас?

— Почему нет? — вопросом на вопрос отвечает он. Кажется, в его картине мира этого достаточно.

Царев отходит к столу и закуривает, выпуская струю дыма в сторону.

Горьковатый вишневый аромат наполняет пространство.

Осознание, что это мой последний рабочий день, придает смелости, и я произношу дрожащим голосом:

— Я закончила школу с золотой медалью, университет — с красным дипломом. С семнадцати лет я тружусь, не покладая рук. Семь гребанных лет пашу, как лошадь! Все эти годы я зарабатывала себе репутацию, не для того, чтобы... — вдыхаю побольше воздуха и заканчиваю: — ...чтобы зажавшийся извращенец купил меня как какую-то шлюху!

Последнее слово выплевываю, как личное оскорбление Цареву.

Швырнув мокрую салфетку на пол, я устремляюсь к выходу. От жара печет лицо.

Я горю от стыда! От того, что меня смешали с грязью. Цинично и грубо.

В груди все клокочет и плавится от негодования.

В последний момент замечаю у двери огнетушитель.

На адреналине хватаю баллон. Царапаю сильно ладонь, срывая пломбу и чеку. И, уже не думая о последствиях, разворачиваюсь и направляю на босса шланг:

— Огня тебе надо? Да пошел ты в жопу, урод!

Облако белого порошка вырывается из баллона и быстро заполняет помещение.

Царев дергается и направляется в мою сторону. Наверняка чтобы свернуть мне шею.

Бросаю баллон ему под ноги и вылетаю за дверь. Мои каблуки звонко стучат по мраморной плитке, пока я бегу к лифту. Шлепаю по кнопке вызова, оставляя кровавый отпечаток на металле.

Сзади слышу хлопок двери и уверенную поступь босса.

Черт!

Я запрыгиваю в лифт, едва только двери распахиваются, и тут же судорожно жму кнопку первого этажа.

Бросаю взгляд и застываю. Напротив стоит Царев. Лицо суровое. Волосы и пиджак щедро припорошены белой пылью.

Мое сердце колотится в горле, в ушах противный гул. Клянусь, еще немного и я позорно опишусь, такой он внушает ужас.

Жду, что сейчас зайдет следом и придушит меня, но Царев не двигается.

Последнее, что вижу, перед тем, как двери закрываются — глаза моего босса. В них тот самый дьявольский огонь, который ничем не потушить.

Домой возвращаюсь выжатая, как лимон. Сил нет ни на что. Кажется, все они ушли на то, чтобы не свалиться на выходе из бизнес-центра. С собой у меня только телефон.

Сумочка с ключами и документами так и осталась на столе в приемной Царева. Мне еще как-то нужно будет забрать свои вещи. Но это я буду решать завтра. А сегодня... сегодня я хочу смыть с себя липкие взгляды Царева, завернуться в кокон из одеяла и не двигаться.

Проскальзываю в подъезд с соседкой, поднимаюсь на свой этаж. В ногах свинцовая усталость, под веки будто песка насыпали, царапина на руке токает и неприятно тянет.

Из-за старой, обитой дешевым дермантином двери нашей квартиры доносятся грохот шум.

У меня от нехорошего предчувствия сводит живот.

Я дергаю ручку на себя... и попадаю в ад.

Глава 5. Ад

Есения

Успеваю заметить в прихожей погром — стекло вперемешку с вещами, — как звуки обрушиваются на меня.

Кричит муж.

Дикий, бессмысленный ор. Грохот, следом поток мата — визгливый, режущий, такой густой, что им можно задохнуться.

— ...Сука! Отдавай, блядь! Где спрятала?!

Телефон падает из моих рук. Сердце проваливается куда-то вниз, оставляя в груди ледяную пустоту.

Мой взгляд прикипает к распахнутой настежь двери в комнату мамы. Там, в эпицентре, стоит Леша. Лицо багровое от ярости, жилы на шее вздуты.

Всей своей тушей он нависает над мамой. Она бледная как мел, в глазах — животный ужас.

— Крыса старая! Куда ты свою пенсию дела?! Гони бабки, мне отыграться надо! Слышишь, тварь?! — орет ей в лицо Леша и хватается маму за ворот халата.

Тело срабатывает раньше мозга. Рвусь вперед, сбивая по пути стул.

Не кричу — просто впираюсь пальцами в его засаленную рубаху и дергаю изо всех сил, оттаскивая от кровати.

— Леша! Прекрати! Оставь ее! — Голос — чужой, хриплый.

Муж оглушенно оборачивается. Пьяные, налитые кровью глаза находят меня.

— А-а-а, приползла! — орет он, слюна брызгает с губ. Волна тяжелого, сладковатого перегара бьет в лицо. — Где ты шлялась, а?! Ночь на дворе, а она... Кому ноги раздвигала, шлюха?!

Он наступает, загоняя меня в угол.

Прижимаюсь спиной к стене.

Мельком ловлю картину: порванные подушки, кругом перья, рассыпанные по полу таблетки, сбитые рамки фотографий, осколки стекла... Пустота там, где еще с утра был телевизор.

Холодный ком подступает к горлу.

— Леш, что ты такое говоришь? — стараюсь говорить спокойно. — Я на работе задержалась, потом автобус никак...

Он резко сжимает мою шею, перекрывая кислород.

— Знаю я такую работу. Ноги раздвинула и в потолок пыришься... — выдыхает мне в лицо.

Вцепляюсь ногтями в его руку. Но силы неравны. Паника нарастает.

— Что молчишь, шлюхина дочь? Сказать нечего? — заводится Леша, а потом отпускает мою шею.

Закашливаюсь, жадно втягивая воздух.

— Кха-кха... это... неп... кха-кха... неправда, — давлюсь словами.

— Да что же ты творишь! — громко, с отчаянием восклицает мама.

Голова мужа дергается, и я молюсь, чтобы он снова не набросился на нее с кулаками.

В таком состоянии он неадекватен.

Но вместо этого Леша резко утыкается лицом в мое плечо. От него разит перегаром, потом и безумием.

— Молчи, тварь! — огрызается на маму, а потом его тон меняется на плаксивый: — Старая сука... Денег зажала, вкрысу их где-то snyчила... Я по-хорошему просил, а она! Я же почти... почти отыгрался!

Леша задыхается от собственной ярости, а я стараюсь дышать через раз.

Только не провоцировать его!

— А она... не дает! Я же знаю, что есть... а она ни в какую... сука! — продолжает бормотать, сжимая руки на моей талии. До боли. Но я не двигаюсь.

Пока нельзя. Леша в такие моменты превращается в зверя, и лучшая тактика — притвориться мертвой.

— Я квартиру заложил! — доносится его голос сквозь вату в ушах. — На сутки! Чтоб отыграться!

Меня прошибает ледяной озноб. Кожа вмиг становится влажной, во рту — сушь, язык прилипает к нёбу.

Не могу поверить!

— Что... что ты такое говоришь? — размыкаю губы.

Нет, нет. Только не это!

Леша горячечно шепчет:

— ...но слил... все слил! Завтра... завтра придут! Выметать нас! Нахуй! А эта сука денег зажала!

Слова «заложил квартиру» бьют наотмашь.

Кровь стучит молотом по вискам. Замираю. Звон в ушах заглушает все. В фокусе только перекошенное лицо мужа. Пол уходит из-под ног. Воздух не идет в легкие.

Мысли бьются в голове.

Квартиру. Проиграл. Завтра. Выгонят.

— Что ты натворил?! — выдыхаю, отталкивая его в грудь.

— У меня все было просчитано! — запальчиво твердит Леша, раскачиваясь на месте. — Я все просчитал... Все просчитал! Ставка была четкая, мне везло.... А-а-а! Проиграл!

Он вцепляется руками в свои волосы, повторяя, как заведенный:

— Но я все исправлю. Я все верну! Мне только надо денег... Денег надо, Еся! А эта старая сука не дает!

— У нее нет столько денег, Леш! — срываюсь на крик. — Да и откуда?!

— Я знаю, что есть! — Его глаза горят лихорадочным огнем. — Где они?!

Он снова шагает к маме, но я висну на его руке:

— Оставь ее в покое!

— Не указывай мне! — орет мне в лицо, стряхивая мою ладонь. — Ты никто, никто! Живете здесь на всем готовом, а денег зажали, суки!

— Я в отличие от тебя работаю! — выплевываю и только потом понимаю, что это была фатальная ошибка.

Успеваю увидеть резкий замах. А потом щеку обжигает удар, и я кубарем лечу на пол.

Глава 6. Что если...

Есения

Боль взрывается белой вспышкой под веками. В ушах звенит. Левая половина лица сначала немеет, а потом начинает гореть. Во рту — теплый, металлический привкус. Губа распухает мгновенно, с нее быстрыми каплями срывается кровь.

«Боже, как много!» — зачем-то фиксирую это.

— Да как же так?! Еся, доченька! — пронзительный, полный боли крик мамы пробивает звон в ушах.

Поднимаю голову и сквозь слезы вижу, как мама хватается обеими руками за грудь. На лице ни кровинки, оно белое, как полотно. Рот открыт в беззвучном крике.

Ярость Леша сдувается, сменяясь пьяным испугом.

— Это чо... Есь, чего она? Я не трогал ее! Пальцем не трогал... я не хотел, — бормочет он, отступая в коридор.

Мама закашливается и вдруг оседает на кровать. Глаза ее закатываются.

Внутри меня все сворачивается от страха.

— Мам! Мама-а! — кричу, хватая ее за руку.

Ледяная!

— Ма-а-ам!.. Где... где же?.. — Пальцы не слушаются, когда я пытаюсь нащупать пульс. — Черт!

Кровь течет по подбородку. Но боли я не чувствую. Только ужас и этот смертельный холод внутри.

— Леш, скорую вызывай! — оборачиваюсь, но мужа нигде нет.

В распахнутую дверь заглядывает соседка, тетя Люба:

— Да что это делается-то?! Я и ментов, и скорую вызвала! — причитает, забега в квартиру. — Еська, воздуха ей надо!.. Есть чего от сердца-то? Я за водой...

Бросаюсь к окну и распахиваю его настежь, ищу таблетки. Тумбочка пуста — на полу месиво из осколков и разноцветных пилюль.

Мама тихо стонет.

— Дыши, мам, дыши! — шепчу, прижимая ее холодную, липкую ладонь к своей щеке. — Сейчас... сейчас нам помогут.

Ее пальцы слабо сжимают мои.

От света в больничном коридоре печет под веками. Острый запах антисептика ввинчивается в ноздри. Я сижу на стуле у палаты реанимации, едва ли ощущая его жесткость.

Блузка — в бурых потеках засохшей крови. Ладонь в бинтах. Лицо ноет, губа по ощущениям — огромная, рваная рана, пульсирующая болью.

Не могу спать. Смотрю в пол, но перед глазами флэшбеки: погром в квартире, багровое от бешенства лицо Леша, синие губы мамы.

Внутри меня — выжженная пустыня, где нет жизни.

Она остановилась, когда в карете скорой у мамы отказало сердце. Его заводили. Дважды, пока мы неслись под рев сирены сюда, в кардиоцентр. И, кажется, мое сердце больше не бьется. Оно стало огромным, тяжелым булыжником.

Ожидание ощущается болезненной спицей, которая с каждой минутой все глубже вкручивается в позвоночник.

Под утро меня пускают в палату.

Мама серая от слабости, но живая. Она хватается мою руку. Ее пальцы ледяные, дрожат. Под глазами чернота. Сами они, глубоко запавшие, полны не боли — страха за меня.

— Мам, — у меня трясутся губы, когда я зову ее.

Она шепчет еле слышно:

— Есенька... дочка, уходи... от него... — Хриплый вдох. — Он чудовище. Я умру... с кем ты останешься?

Ее слова пробирают меня до костей.

Потому что диагноз врачей неутешительный. Маме нужна срочная операция. Времени мало.

— Все будет хорошо, мамуль. Ты, пожалуйста, только ни о чем не переживай! — молю и аккуратно вытираю ее слезы уголком простыни. — Тебе надо отдохнуть, я приду... приду к тебе попозже...

Голос предательски ломается, в горле колючий ком.

Тихо прикрываю за собой дверь, шагаю по коридору до какого-то тупичка. И только там даю волю слезам.

Прижимаю руки ко рту, давя всхлипы. Рыдания рвутся наружу, душат, ломая грудную клетку изнутри.

Тихонько вою, прикусив ладонь. Отчаяние — мутная, черная топь, — я погружаюсь в нее с головой.

Мне страшно!

Не знаю, сколько маме осталось. Нужна дорогостоящая операция, а у меня нет денег на нее.

Нет этих чертовых денег, когда они так нужны!

«Вопрос в цене, Есения. Всегда только в цене», — всплывают слова Царева в памяти, и я замираю.

Он был готов заплатить за одну ночь со мной. Что если?.. Что если он не передумал?

Глава 7. ...он передумал?

Есения
А что, если Царев не передумал?

Унизительное предложение. Грязное. Непристойное.

Но так ли сейчас это важно?

Я могу потерять самого близкого человека на всем белом свете из-за своих принципов!

Отчаяние сменяется надеждой, а следом приходит понимание.

Я знаю, что нужно делать.

Первым делом снимаю номер в ближайшей гостинице — я физически сейчас не способна вернуться в квартиру и выстоять еще один раунд против безумия мужа.

Курьер привозит свежую одежду, и я привожу себя в порядок.

Контрастный душ, легкая укладка на волосах, неброский макияж.

Механические действия.

Главное, ни о чем не думать!

Черное глухое платье узковато в груди и бедрах, но я воспринимаю это неудобство как знак.

— Это... это просто роль, Еся, — подбадриваю своего близнеца в зеркале, проходясь тушью по ресницам и делая взгляд светло-карих глаз еще выразительней. — Ты должна хорошо сыграть, чтобы все получилось. И мама... ты спасешь маму! Нужно только немножко потерпеть. Одну ночь...

Мой двойник кивает. В глазах лихорадочный блеск, тональник надежно скрыл следы бессонной ночи.

Помадой касаюсь губ, пряча ссадину за ярко-красным цветом. Муж всегда называл такой оттенок блядским.

Что ж, мне подходит. Ведь я собираюсь продать себя за сумасшедшую сумму.

У офиса выхожу из такси и оглядываю стеклянные небоскребы. Они бездушными громадами нависают надо мной, безучастно наблюдая, как рушится весь мой привычный мир.

Лифт возносит меня на двадцать седьмой этаж. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони.

Вчера я сбежала отсюда, пожелав боссу катиться в задницу со своим предложением. А теперь добровольно кладу голову в раскрытую пасть тигра.

Шаги эхом разносятся по коридору, пока я иду к своей цели. В ушах противный шум, в мыслях сумбур.

Я толкаю дверь и вхожу.

Царев поднимает взгляд от бумаг на столе, и я на секунду робею.

«Что если он передумал?» — панически бьется мысль.

Сглатываю, растеряв все слова.

— Ты что-то забыла? — он холодно интересуется, держа меня на прицеле ледяного взгляда.

— Я... — прикусываю губу и решительно продолжаю: — Я согласна.

Вижу в стальных глазах промелькнувшее удовлетворение, но голос Царева не теплеет ни на градус, когда он произносит:

— Согласна с чем, Есения?

Меня пробирает до мурашек.

Дура, с чего вдруг ты решила, что он стерпит вчерашнее твое выступление?

Но в этот момент я замечаю, с какой жадностью смотрит он на меня, и это неожиданно вселяет в меня уверенность.

— Я согласна... на ночь с вами, — выталкиваю смелее.

На губах Царева появляется улыбка.

— Я польщен, Есения. — Он поднимается из-за стола и мягкой, тигриной походкой приближается ко мне.

Вытягиваюсь в струнку, наблюдая за ним.

Артем Борисович останавливается в шаге от меня. Расслабленная поза, руки в карманах брюк. Аромат его дорогого парфюма и вишневых сигарет обволакивает.

— Но кто сказал, что мне это интересно?

Дергаюсь от его слов, как от пощечины.

Боже, я ошиблась?

Глава 8. На колени

Артем

Рабочий день начинается, как обычно — цифры, графики, сметы, созвоны. Все идет привычным ходом, кроме разве что одного момента — моя помощница так не пришла.

Клининг оставил после себя в кабинете назойливый запах чистящего средства и абсолютную стерильность. Костюм в химчистке, а я...

Я заинтригованно жду, когда же Есения появится на пороге с огнем и вилами. После устроенного ею погрома кадровики и служба безопасности не дадут ей ускользнуть. А значит продолжение следует.

Вчера она наглядно мне продемонстрировала, что кроме внешности, ничего общего у нее и Даны нет.

Забавно то, что ее выходка не вызвала во мне раздражения. Наоборот, я испытал к девушке что-то сродни уважения. И сейчас ожидаю ее следующего появления.

Время подбирается ближе к полудню, когда дверь в кабинет распахивается без стука, а на пороге стоит...

...Дана.

Твою мать!

Слишком резко сжимаю ручку, и та с треском ломается у меня в руке. Отбрасываю ее, не сводя взгляда с застывшего у двери призрака прошлого.

«Испания, мне семнадцать и я тогда впервые увидел Дану среди гостей вечеринки. На ней было закрытое черное платье, волосы волной рассыпаны по плечам, в руке бокал игристого, а во взгляде — скука... она переводит его на меня, и я забываю, как дышать...»

Моргнув, прогоняю наваждение, и смотрю на гостью более внимательно.

Есения.

Все-таки вернулась.

Стоит на пороге, упакованная в черное платье, как в доспехи. На бледном лице решимость, алые губы сжаты в тонкую линию, а в позвоночник будто вогнали стальной прут.

Никаких сомнений о причинах ее появления у меня нет.

Первым поднимается разочарование. Следом злость. На себя — с чего я решил, что она не такая? И финальный аккорд — азарт. Уж теперь я точно получу. Все.

Не отказываю себе в удовольствии пару секунд насладиться ее эффектным видом.

Браво, Есения. Ты умеешь удивлять.

Предвкушение щекочет нервы.

— Ты что-то забыла? — спрашиваю безразличным тоном.

Есения нервно сжимает пальцы. Вижу паническую искру в ее глазах. Прикусив губу, выдыхает:

— Я... Я согласна.

Ощущаю сладкий укол адреналина под ребрами.

Попалась!

Но мое лицо — непроницаемая маска. Отсекаю лишние эмоции и произношу вкрадчиво:

— Согласна с чем, Есения?

Она вздрагивает.

На секунду ловлю в ее глазах панику, но она ее тут же гасит. Самоконтроль — это хорошо. Но я хочу снести его к чертям.

— Я согласна... на ночь с вами, — говорит смелее.

Прогресс. Значительный.

Почти вызов.

Но мне это не подходит. Чтобы заключить сделку на выгодных условиях, оппонента нужно поставить в максимально неловкую положение: прижать к стенке, загнать в угол. Или поставить на колени.

Да-а-а, последний вариант лучше всего.

— Я польщен, Есения, — смакую ее имя. — Но кто сказал, что мне это интересно?

Она вздрагивает всем телом точно от удара током. Идеально. Вижу испуг.

«Я ошиблась?!» — С легкостью его расшифровываю.

Нет, моя дорогая.

Ошибкой было бы, останься ты дома. А теперь... теперь я с тобой поиграю.

Мой взгляд скользит по ее испуганному лицу.

— Так зачем ты пришла?

— Я... — сглатывает, заламывая пальцы. — Мне нужны деньги... — Запинается, но продолжает тише, сдавленно: — Я выполню всё, что вы пожелаете, но мне нужно сейчас. Та сумма, что вы называли.

Есения отводит взгляд, под слоем макияжа я замечаю, в каком она смятении.

— Могу я узнать, зачем?

— Моей маме. — Голос Есении ломается. Она замолкает на секунду и после выдыхает слова через рваные паузы: — Нужна операция. Срочно.

«Мама».

Это слово неожиданно отдается во мне горечью детских обид. Как и все детдомовские, я искренне верил, что любящая родительница однажды вернется и заберет меня из этого ада. Верил, пока не повзрослел. А взрослеют в таких заведениях очень рано.

Случайно ли это совпадение? Или в прессе снова всплыла информация о моем прошлом?

Что ж. Ложь легко проверить. Но нужно ли?

На самом деле мне плевать, куда она потратит деньги. Может хоть сжечь их.

— Есть нюанс, — продолжаю, наслаждаясь тем, как напряглись тонкие плечи. — Вчера мы говорили о ночи. Время — невозполнимый ресурс, и срок моего предложения истек.

Есения сжимается.

— Но вы же... вы сказали, только ночь... — тянет и тут же замолкает.

— Это было вчера. А сегодня я покупаю не временной отрезок. Я покупаю доступность. До тех пор, пока мой интерес к тебе... не иссякнет.

Делаю паузу, смакую румянец, проступивший на щеках.

— Это может быть неделя. Месяц. Год. Столько, сколько я пожелаю. Таковы мои условия. Ты все еще... согласна?

«Ты все еще продаешься?» — звучит рефреном в мыслях.

Молчание — тяжелое, гулкое. В какой-то момент мне даже кажется, что я ошибся в прогнозах. Но...

— Да, — еле слышно выдыхает она. — Согласна.

Ехидная ухмылка растягивает мои губы, а внутри подозрительно глухо. Но я ведь именно этого от нее и ждал, верно?

Пара кликов, и материальная сторона нашей сделки падает ей на счет. Телефон Есении тут же вибрирует. Впиваюсь в нее пристальным взглядом.

— Подойди, — выдаю глухо. Не могу сдерживать желание.

В глазах Есении мелькает отчаяние. Но почти мгновенно их заполняет та же железная воля, что держит ее осанку. Вызов. Все еще вызов.

Замираю. Жду. Считаю шаги.

Как паук в центре паутины, с жадностью наблюдающий за трепетом крыльев стрекозы, угодившей в ловушку.

Она стоит передо мной — неподвижная статуя с алой раной на бескровном лице. Жизнь выдают испуганные глаза и трепещущая жилка на шее.

Ныряю взглядом ниже, где под слоем ткани часто-часто вздымается грудь.

Ладони зудят от желания схватить, сжать, ощутить приятную тяжесть в руке. Жар растекается по низу живота, тугим узлом затягиваясь в паху.

— Что-то еще? — уточняю.

Мой голос опускается от хриплых ноток. В нем предвкушение и тлеющее во мне желание.

Она стреляет в меня взглядом. Осторожным. Выжидающим. И качает головой.

— Тогда... — говорю я, глядя в испуганные глаза Есенин. — ... давай вернемся к тому, с чего начали.

В ее взгляде нарастает паника.

Жестко, без права на отсрочку, указываю на место, где она была вчера:

— На колени.

Глава 9. Новые обязанности

Есения

Слова Царева звучат как приказ.

Наверное, мне стоило быть готовой к подобному, но они все равно меня повергают в шок.

— Здесь?.. С-сейчас? — выдыхаю, едва справляясь со словами. Они, будто рыбы кости, застревают в горле.

— Чем плох мой кабинет? — произносит он мягко, почти ласково, не сводя с меня взгляда.

— Мы же вчера начали именно здесь... И меня всю ночь одолевали фантазии.

Я оглядываюсь назад, и Царев словно читает мои мысли:

— Запри дверь. И приступай... к своим новым обязанностям.

Механически переставляя ноги, я поворачиваю замок и возвращаюсь к креслу Царева.

Его глаза, как угли, прожигают меня до костей.

Я опускаю взгляд, застревая им на уровне его ширинки, где возбуждение натягивает ткань брюк.

Щеки обжигает стыдом. Сглатываю пересохшим горлом.

Боже, ну почему именно это?..

— Не заставляй меня ждать, Есения. Время — деньги. А твои уже на счету.

Чувствую предательский спазм в животе и морозец по коже.

«Ты согласилась!» — даю себе ментальную оплеуху и, прикусив губу, медленно опускаюсь на колени.

Я стараюсь сосредоточиться на простых действиях, чтобы не удариться в истерику.

«Просто отключи голову!»

Ремень, молния, белье... и вот в моей ладони внушительный член с бархатной кожей и блестящей от смазки головкой.

Я не сдерживаю прерывистого вздоха.

«Давай! Это как прыжок с парашютом... или как оторвать пластырь. Резко, одним движением», — уговариваю себя.

Зажмуриваюсь и касаюсь горячей плоти губами. Вбираю в себя и пытаюсь делать так, как видела несколько раз в порно. Муж всегда высмеивал мое умение дарить оральные ласки и чаще всего предпочитал удовлетворять себя рукой.

Бедра Царева подаются вперед, головка упирается мне в горло, и я стараюсь перетерпеть дискомфорт.

Слезы невольно собираются в уголках глаз. Боже! Меня сейчас вырвет...

Стараюсь отключиться, думать о чем-то другом, отвлечься, и не сразу замечаю, как Царев отстраняется.

— В замужестве все настолько плохо? — раздается сверху, и я резко вскидываю голову.

Царев, уперев пальцы в висок, смотрит на меня с явной издевкой.

Молчу, предоставляя ему право самому придумать ответ на этот вопрос.

— Или у вас с мужем такие вялые предварительные ласки в порядке вещей? — продолжает он рассуждать, поправляя одежду.

Меня задевают не его слова, а тон с которым он это произносит. Так, будто моя жизнь до встречи с ним была полное дерьмо.

От негодования выдвигаю подбородок вперед и шиплю:

— Вас это не касается!

— А вот тут ты ошибаешься, — чеканит он, подаваясь вперед. — Меня касается все, что связано с тобой. Я тебя купил...

— Тело, а не безлимитный доступ ко мне в голову! — огрызаюсь.

— Вот как?

— Да! — Вбираю побольше воздуха в грудь и выпаливаю: — И если эта разминка с остроумием — ваш способ поддержать либидо, то давайте продолжим! — по-деловому заканчиваю свою тираду.

На самом деле я отчаянно трушу. Но здесь, как перед самым сложным экзаменом — лучше отмучиться сразу, чем в неведении грызть ногти.

И пусть уж Царев покажет себя сейчас бесцеремонным монстром, чем эта пытка продолжится еще хоть на секунду!

С отвращением жду, что сейчас Царев прикажет продолжить, но он рывком поднимает меня с колен.

— Либидо, говоришь?

В его глазах... раздражение? Гнев?..

Оторопев, позволяю усадить себя на стол. Под попой какие-то документы и канцелярия, но я не смею сейчас спорить. Потому что взгляд Царева меня пугает.

— Разведи ноги, — рычит он мне.

Его пальцы задирают мое платье и, обжигая бедра, проворно ползут выше. Царев отодвигает полоску белья и касается меня там!

Это прикосновение как удар током — дергаюсь и пытаюсь свести колени вместе.

— Да ты издеваешься? — полувопросительно цедит, сведя темные брови к переносице.

Я вся напрягаюсь, ожидая неизбежного. Но Царев и не собирается толкаться ими в меня. Он поднимает кисть и демонстративно потирает кончики пальцев. Сухие. Без следа моей влаги.

Краска отливает от лица. У меня звенит в ушах. Звенит так сильно, что я не улавливаю смысл слов.

Царев ведь наверняка что-то говорит.

Обхватываю себя руками и, прикусив губу, опускаю голову.

Какая же я никчемная дура! Зачем я его провоцирую?

Сейчас он заберет обратно свои проклятые деньги и пошлет меня к черту за все мои слова.

Слезы острыми льдинками режут глаза и скатываются по щекам.

В поле зрения появляется рука Царева с зажатым в пальцах стаканом.

— Пей. И перестань изображать из себя мученицу. От минета еще никто не умирал, — произносит он равнодушно.

Исподлобья смотрю на него, мысленно посылая как раз туда, где недавно был мой рот.

Царев кривит губы в ухмылке и настойчиво протягивает мне стакан с чем-то алкогольным.

— Пей.

— Я не... — протестующе качаю головой, но он просто вкладывает его в мою ладонь:

— А то в обморок грохнешься. Будто члена никогда не видела.

Иди к черту!

Под его взглядом делаю глоток, виски — или коньяк? — обжигает губы и язык, а потом раскаленным камнем падает в пустой желудок. И моментально ударяет в голову.

«Доволен?» — вскидываю воинственно подбородок.

Царев лишь отвечает мне заломом бровей. Конечно, разве такого толстокожего прошибешь какими-то взглядами!

— Так что там с супружеской жизнью?

Ловлю его издевку в вопросе и без раздумий выпаливаю:

— Она не светит таким шлюханам, как ты!

Тут же захлопываю ладонью свой рот, но поздно. Слова уже вырвались и моментально достигли адресата.

Глава 10. Афтершок

Есения

Боже!

Мама всегда предупреждала, что мой язык меня погубит. А еще советовала думать прежде, чем говорить.

Или хотя бы считать до десяти!

— Прости!

Я с ужасом смотрю в лицо Царева и жду. Жду, что он сейчас заморозит меня своим взглядом или жестко поставит на место.

А во всем виноваты мои нервы, которых уже просто не осталось!

— Мне даже интересно, как ты пришла к таким выводам. — Он задумчиво смотрит на меня.

Уголки его губ слегка приподнимаются в улыбке, будто поощряя на дальнейшую откровенность, но я молчу.

Хватит. Уже наговорила.

— Шлюхан... — повторяет он тихо и наконец отходит, давая мне чуточку пространства.

Неловко сползаю со стола и поправляю одежду.

— Возможно, мы стоим друг друга.

Замерев, очерчиваю взглядом его внушительную фигуру на фоне панорамы города. Он выглядит расслабленным, в отличие от меня. Я будто оголенный нерв. Слежу за ним из-под ресниц.

Когда Царев оборачивается ко мне и шагает ближе, невольно напрягаюсь. Но в его серых глазах штиль, ни следа того темного огня, что горел пару минут назад.

Я его разочаровала?

Царев вкладывает в мою дрожащую ладонь прохладный, гладкий пластик карты, а потом произносит название самого пафосного ресторана в городе:

— Столик на семь вечера. — Его взгляд осязаемо скользит по моему телу, вызывая мурашки.

— У тебя безлимит, код четыре нуля. Купи платье, красивое белье, новый парфюм... на что вы там с подружками обычно тратите деньги перед свиданием? Не отказывай себе ни в чем.

«Купи красивую, дорогую обертку», — переводит его слова мой измученный мозг.

Горечь — знакомая, терпкая — снова ощущается на языке. Но я не даю себе скатиться в рефлекссию.

Хватит. На сегодня — так точно.

Не оглядываясь, почти выбегаю из кабинета. Хватаю свою сумочку со стола и спасаюсь бегством.

Удивленные лица коллег сливаются в калейдоскоп размытых пятен.

Коридор. Лифт. Улица.

Воздух!

Втягиваю его глубоко-глубоко полной грудью. Дышу. До мушек перед глазами и легкого головокружения.

Противоречия разрывают меня на части, как голодные псы.

Дрожащей ладонью тру висок.

Я только что продалась Цареву! Продалась со всеми потрохами за бессовестно огромную сумму денег. Добровольно.

Я кричала на своего босса, а еще назвала его шлюханом.

А еще... еще я сосала его член. И это точно не было отвратительно. Солоноватый вкус его плоти до сих пор ощущается во рту.

Провожу ладонью по губам.

Помада!

Опомнившись, достаю косметичку. В зеркальце отражается перепуганная девица с размазанной по подбородку помадой.

Да уж! Ну и видок.

Быстро привожу себя в порядок влажными салфетками. Суетливо трамбуя все обратно в сумочку.

Черная карта падает на асфальт, и я смотрю на нее, как на ядовитую змею.

«Что вы там с подружками обычно делаете?» — всплывает в памяти голос Царева.

Грустно смотрю себе под ноги.

За годы брака Леша методично истребил и отвадил от меня всех подруг. При мысли о нем начинает болеть голова.

Боже, что с мужем-то делать?.. А квартира? Сегодня нас выселят!..

Хватаюсь за голову и едва не падаю, запнувшись о бордюр.

Спокойно, Еся!

— Сначала мама, потом все остальное, — расставляю приоритеты и вызываю такси.

В машине меня буквально размазывает по сиденью. Ноги дрожат мелкой дрожью. Руки не слушаются.

Афтершок. Тело и психика, наконец осознав весь ужас и унижение суток, включают режим полного истощения. Давлюсь внезапной тошнотой.

А еще... Царев сказал «свидание». Поверить, что он знает такое слово, также сложно, как и в то, что у нас с ним есть взаимность и общие интересы.

«Свой интерес тебе Царев прекрасно продемонстрировал... и он еле поместился в рот», — безжалостный внутренний голос явно играет не за мою команду.

Устало прикрываю глаза. Но мысли, как назойливые мухи, роятся в голове.

Кто же ты, Артем Царев? Чудовище или спаситель?

При упоминании его имени где-то глубоко, под ложечкой, сводит все противной, сладковатой судорогой.

Он вызывает во мне странные чувства.

Страх. Ненависть. И... проклятое, крошечное семя любопытства.

Что он сделает со мной этим вечером?

Глава 11. Мантры

Есения

Весь день ощущается сплошными иголками под кожей.

Каждая минута тянется резиной, наполненная гудящим ожиданием вечера.

Единственное светлое пятно — короткий, но обнадеживающий разговор с хирургом мамы.

Да, операция необходима.

Нет, ждать больше нельзя.

Да, состояние стабильно тяжелое.

Нет, гарантий никто не даст, но шансы у нее неплохие.

Да, в случае положительного исхода предстоит долгая реабилитация.

Не разговор — сплошной пинг-понг из «да» и «нет».

Я внесла необходимую сумму, соврав маме о квоте. Просидела у нее в палате около часа, пока медсестра мягко не намекнула на выход. И на этом мои силы кончились.

Чувствую себя выжатым лимоном.

Следующий пункт моей «программы» — квартира.

Признаюсь честно — при мысли, что я там столкнусь с неадекватным Лешей, липкие пальцы страха сжимали ребра и мешали сделать вдох.

Но дома было пусто.

И под этим словом я подразумеваю — абсолютная пустота!

Куда-то делись все наши вещи, мебель, посуда...

Не осталось ничего, кроме голых стен.

Я не знаю, как я не упала прямо там в обморок от потрясения.

Боже! Что я скажу маме?!

Мы прожили здесь не один год. Плохо ли, но это был наш уголок, наше убежище. А теперь и этого нет!

Без сил стекаю по стене на заляпанный пол. Обнимаю колени и тупо смотрю в одну точку.

Что теперь делать?

В дверь заглядывает соседка.

— Еська, ты! Я уж думала, опять эти приходили!.. — Она нервно оглядывается и манит меня пальцем. — Пойдем-ка ко мне, я чаю заварила... и это, вещи твои и мамкины на балконе у меня.

Неловко поднимаюсь и в порыве чувств обнимаю ее:

— Спасибо, тетя Люб.

— Да было б чего, дочка. Как эти стали тут шорохаться и таскать все в газель, я и пришла, — частит она, открывая свою дверь и приглашая меня внутрь. — Пригрозила, что участкового вызову. Ну и эти бумагами какими-то тыкать в лицо давай! Но вещи разрешили забрать. Там не все...

— Спасибо! Спасибо вам!

Я недолго сижу в гостях у тети Любы, прошу мне позвонить, если Леша объявится, и спешу на выход.

Мысль о магазинах, платьях, белье — вызывает тошноту. Но я еду в первый попавшийся ТЦ и трачу еще час на то, чтобы упаковать себя в *новую шелестящую обертку*. А после заглядываю в салон красоты и прошу сделать мне укладку на вечер и мейк.

Все время, что надо мной колдуют две феи, я бездумно сижу с закрытыми глазами.

— Готово! — радостно чирикает фея номер один и разворачивает меня к зеркалу.

В отражении не я.

Там приз победителю, перетянутый алым бандажным платьем вместо банта. Волосы собраны наверх, оставляя шею беззащитной и приковывая все внимание к бессовестно глубокому декольте. В нем моя немаленькая грудь претендует стать главным блюдом этого вечера.

— Вам нравится? — спрашивает фея номер два, и я, зажевав горькую улыбку, киваю.

Девочки старались. Не их вина, что я чувствую себя точь-в-точь, как описал Царев — товаром на витрине.

— Вы похожи на принцессу! — восхищаются девушки.

Я похожа... на дорогую проститутку. Хотя, сейчас так не принято говорить. Эскортница. Содержанка... Правда, от этого суть не меняется.

Меня купили, и я добровольно на это подписалась.

Приезжаю к ресторану с опозданием на двадцать минут. Такая вот крохотная месть.

Но вместо удовлетворения, по нервам скребет когтями неизвестность.

Укутанная в колючий мандраж и благоухая чистым, неразбавленным страхом, вхожу в приветливо распахнутые двери.

Ресторан встречает сдержанной роскошью.

Здесь дорого. Об этом говорит интерьер с преобладанием натурального дерева и камня. Аквариум во всю стену приковывает взгляд. Огромный, с парящими экзотическими рыбами он зонировует помещение на две неравные половины.

Кажется, даже воздух пахнет океаном, дорогим вином и деньгами.

Улыбчивая, невероятно услужливая хостес провожает меня в VIP-кабинет.

Я переступаю порог — и волна напряжения ударяет в лицо.

Царев не один. Рядом с ним сидит незнакомый мужчина. Восточная внешность. Суровое лицо, тяжелый взгляд почти черных глаз и манеры хозяина жизни. В крупной ладони зажаты четки. Он будто весь дышит сконцентрированной, грубой силой.

Еще один хищник. Куда более примитивный, чем Царев, но оттого не менее опасный.

Я невольно ежусь от их внимания, ощутив, как атмосфера в комнате сгущается до состояния цемента под давлением этих двух мужчин.

Незнакомец окидывает меня быстрым, цепким взглядом, а потом поднимается и протягивает ладонь Цареву:

— Был рад тебя увидеть, брат. Приятного вечера. — И скрывается, оставив после себя шлейф невысказанной угрозы и тяжелого парфюма.

Мы с Царевым остаемся наедине.

— Привет, — говорю тихо, сжимая клатч.

— Добрый вечер, Есения.

Скованность впивается в позвоночник, и я прилипаю к месту, наблюдая, как мой босс приближается ко мне.

Его горячая ладонь раскаленным металлом касается моей спины:

— Прошу. — Он мягко подталкивает к столу, не отрывая ладони от кожи.

Боже, там наверняка ожог!

Сдерживаю себя, чтобы не разорвать это прикосновение.

«Я вещь. Я товар. Мне должно это нравится!» — повторяю себе эти мантры, пока на негнущихся ногах прохожу к столу.

Глава 12. Последний ужин

Есения

Кажется, я падаю на стул как подкошенная — будто вытащили стержень.

Царев занимает место напротив. Нам подают аперитив.

— Извините за опоздание, — говорю тихо.

— Ты прекрасно выглядишь, Есения. Давай перейдем на «ты»? — отвечает спокойно Царев.

— Х-хорошо, как скажете... — запинаюсь. — Как скажешь.

— Отлично.

Царев без хлопка открывает запотевшую бутылку проссеко и наполняет наши фужеры.

Я слежу за его действиями, но кожей чувствую его взгляд. Она тут же отзывается мурашками, и я хватаюсь за бокал. Делаю глоток, чтобы скрыть неловкость.

Пью вино, как воду, не чувствуя вкуса. Потому что внутри меня все горит от требовательного взгляда напротив.

Боже, дай мне сил это все пережить!

Ковыряюсь в тарелке, стараясь не поднимать глаз на Царева. От страха неизвестности кусок в горло не лезет, застревая там непрожеванным комом.

Зато Царев выглядит расслабленным сытым хищником.

— Как тебе устрицы? — он переключается с еды на меня.

Как морские сопли, но вслух я произношу нейтральное:

— Свежие.

— А ризотто с морепродуктами?

— Вкусно.

— Ты ведь даже не притронулась к еде, — замечает с холодным блеском в глазах.

— Я не голодна, — отвечаю, с вызовом глядя ему в лицо.

Ну и что ты сделаешь? Заставишь меня есть силой?

Не знаю, откуда во мне это иррациональное желание сопротивляться, но Царев в ответ лишь задирает повыше бровь. Будто говорит: «Какое дело льву до того — поела газель или нет?»

Первой отвожу глаза и залпом допиваю бокал. Пузырьки щекочут нёбо, а потом ощутимо бьют в голову. Возможно, стоило все-таки поесть.

Голову легко кружит, а волнение, что не отпускало меня на протяжении суток, воспринимается теперь словно через фильтр.

Оу, у этого даже есть объяснение!

Если очень долго воздействовать на одну точку, то в конце концов рецепторы перестанут передавать сигнал в мозг. Тело буквально перестанет реагировать.

Я чувствую, что тоже достигла этого предела прочности. Я устала. Устала бояться и ждать плохого. Я же все-таки живой человек.

Наплевав на этикет, подхватываю бутылку вина из ведерка со льдом и щедро наливаю себе бокал до краев.

Часть выплескивается на скатерть.

Упс!

Но мне плевать. Это же мой «последний ужин»*. С глупым смешком салютую Цареву и делаю большой глоток.

Босс откладывает приборы в сторону. Подперев подбородок рукой, наблюдает за мной.

— Есения, тебя что-то беспокоит?

Ты!

— Ничего, — выталкиваю слишком поспешно.

— Все в порядке? Ты решила свой вопрос? — спрашивает он ровно.

Это он так о моей матери?

— Да, — выдыхаю односложно.

— Значит, дело во мне. — Усмешка едва трогает его губы.

Я вспыхиваю. Жар заливаает щеки, шею.

— Давай договоримся, Есения, — произносит он тихо. — Честность на честность.

Принимаю его правила игры и выпаливаю:

— А что... что будет дальше?

Царев наклоняет голову, прищуривается, будто обдумывает ответ.

— Дальше? Десерт. Надеюсь, ты любишь сладкое, Есения? — Поймав мой потерянный взгляд, он тихо смеется.

Звук — низкий, теплый, неожиданный.

Я смотрю на него во все глаза.

— Иногда ужин, Есения, это просто ужин. Расслабься. Дыши. Наслаждайся едой. Здесь первоклассный сервис и лучшая средиземноморская кухня в городе. Попробуй хоть что-нибудь. Вино на пустой желудок коварно...

Расслабиться? Вряд ли у меня это получится, но ледяной ком страха внутри становится меньше.

— А что будет после ужина? — задаю следующий вопрос.

И ответом мне становится многообещающий взгляд серых глаз и хриплое:

— А это уже будет зависеть от тебя.

Сбитая с толку, допиваю свой бокал.

Просто ужин? Окей.

Пользуясь переменной блюд, сбегая в дамскую комнату. Долго стою там перед зеркалом, разглядывая свое отражение.

Глаза после вина приобрели шальной блеск, щеки покраснелись. Губы припухли так, словно я самозабвенно целовалась на протяжении этого получаса, а не сидела... блин, будто с колом в заднице.

Тихонько хихикаю и решаю уже возвращаться обратно.

У самой двери я едва успеваю отскочить в сторону, когда она распахивается, и двое крепко сбитых мужчин выходят из випки.

Меня они цепко оглядывают с ног до головы и встают неподалеку. Следом выходит коротышка с крайне неприятным выражением на багровом лице. Этот напоминает мне одного актера из старого американского фильма со Шварцнегером в главной роли. Как же его звали?

Коротышка даже не удостаивает меня взглядом, грохает дверью и проходит мимо.

Озадаченная, тяну ее на себя.

Царев стоит ко мне спиной. Очерчиваю взглядом его широкие крепкие плечи.

«Будь это нормальным свиданием, я бы точно оценила это. За такой спиной не страшно спрятаться», — грустно подумала и тихо позвала Царева:

— Артем?

Кажется, впервые без отчества.

Он оборачивается, и я понимаю, что наше «свидание» подошло к концу. Передо мной снова закрытый и циничный босс, который просто купил меня, как дорогую вещь.

— Ты сильно хочешь десерт?

Качаю головой.

— Куда тебя отвезти? Домой?

Увы, дома у меня теперь нет. И я еще не знаю, как буду отвоевывать его обратно.

— Отвези меня в гостиницу, — прошу и беру клатч со стола.

* — Есения имеет в виду последний ужин приговоренного к казни, прим.автора.

Глава 13. Глупая золотая рыбка

Есения

Я с удивлением смотрю на Царева, пока он огибает капот машины.

Его высокая, мощная фигура в идеально сидящем костюме кажется еще монументальнее в ночной темноте, подсвеченной неонами.

Он не садится за руль, а распахивает дверь пассажирского сиденья и усаживается рядом со мной.

Близко. Слишком близко.

Запах дорогого парфюма, виски и чего-то неуловимо опасного, что всегда витало вокруг него, заполняет салон.

— Что-то не так? — Он вскидывает идеальную темную бровь, его пронзительные серые глаза изучают мое растерянное лицо.

Свет уличного фонаря выхватывает резкую линию его скул, упрямый подбородок с едва заметной ямочкой и губы.

— Нет-нет. — Мотаю головой, отчего она кружится еще сильнее. — Я просто... просто думала, что ты поведешь.

«И я побуду в относительном одиночестве», — добавляю мысленно. — «Хотя бы, пока мы едем».

Ведь гостиница предполагает дальнейшее времяпрепровождение в постели. Не одной. Вместе.

Дрожь скатывается от затылка к кончикам пальцев, когда я представляю, как это будет.

Царев... он возьмет меня грубо? Также цинично, как трогал в кабинете? Это будет быстро? Или он отыграется за испорченное настроение? Леша всегда так делал — унижал и обзывал меня, а потом наваливался всем весом и...

Еся, перестань уже об этом думать!

— Я не сажусь за руль, если выпиваю, — как несмышленишу, объясняет мне Царев, и на его губах появляется та самая холодная, отстраненная улыбка, от которой по коже бегут мурашки.

Он уточняет у меня название моей гостиницы и дает указание водителю через перегородку. Тонированное стекло окончательно отсекает нас от мира, машина плавно трогается с места.

Артем откидывается на кожаном сиденье, хмурится, потирая сильными пальцами квадратный подбородок.

Не нравится мой выбор? Ну да, не пять звезд, и я не уверена в чистоте простыней. Но я ведь и не собираюсь звать Царева в свой номер, чтобы до утра проверять уровень сервиса.

Сильнее стискиваю колени вместе, будто Царев прямо сейчас набросится на меня. Но он лишь смотрит на дорогу, погруженный в свои мысли.

Свет уличных фонарей рисует на его лице подвижные тени, играет на темных ресницах, скрывая выражение его глаз.

Тихонько ерзаю, будто платье сшито из крапивы. Мне хочется спросить, что будет дальше, ведь ужин уже закончился. Но вместо этого я произношу тихо, почти шепотом:

— Прости, если мое поведение испортило наш ужин. Я обычно не пью...

Царев медленно поворачивает голову ко мне.

— Это не твоя вина, Есения. — К моему удивлению, черты его лица смягчаются, в голосе проскальзывает усталость. — Это мне стоит извиняться, что вечер оказался испорчен.

— Тот мужчина, что похож на Денни Девино, — я вдруг вспоминаю имя актера и ляпаю это невпопад, отчего сильнее смущаюсь. — Ой, прости. Он был такой злой. Я просто... Я вам не помешала?

— Разговора с некоторыми людьми очень сложно избежать. — На секунду на его губах появляется та самая холодная, циничная усмешка, но тут же гаснет. — Особенно с теми, кто всеми силами его ищет. Расслабься, все в порядке.

Я еще какое-то время сижу как на иголках, но усталость, опьянение и мерное укачивание автомобиля берут свое. Мои веки становятся свинцовыми, голова тяжелеет. Я проваливаюсь в теплую, темную пустоту.

Вздрагиваю и просыпаюсь как от толчка. Мы никуда не едем, машина стоит. Испуганно смотрю на Царева.

Его взгляд — слишком внимательный, изучающий — блуждает по моему лицу, шее, задерживается на груди. Смутившись, я поправляю волосы:

— Прости, долго я спала?

— Пустяки. — Он дергает запястьем, где сверкают сталью его ролексы. — Полчаса.

Мои щеки печет от стыда. Пока я спала, он... он просто сидел и смотрел на меня?

— Еще раз прости.

— Брось. У меня был отличный вид. — И Царев медленно, оценивающе очерчивает взглядом линию декольте. — Я даже порадовался, что не заказал десерт.

Не знаю, как реагировать на это. Мне неловко, а еще капельку страшно. А еще самую крошку... интересно. И снова неловко. После вина в голове белый шум и рой глупеньких, пьяных мыслей.

— Ты поднимешься со мной? — Я не верю, что это произносят мои губы. Но слова падают в тишину салона, громкие и нелепые.

Царев качает головой, его взгляд становится непроницаемым.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Но наше соглашение... — лепечу я растеряннo, сбита с толку его отказом.

Мне бы радоваться, дуре, но вместо этого я чувствую досаду и какое-то неуместное, обидное разочарование.

— Ты куда-то спешишь? — вырывает меня из мыслей его задумчивый, низкий голос.

Качаю головой, не доверяя больше своему голосу.

Артем... он так смотрит на меня... что я чувствую себя глупой золотой рыбкой в аквариуме. И сама разглядываю его в ответ, пьяно замечая детали. Он красив. Неброской, жесткой, чисто мужской красотой. Широкий лоб, густые брови, прямой нос. Умные глаза, что чаще всего излучают холодный цинизм. И губы... которые сейчас приоткрываются...

Он вдруг подается ко мне. Его парфюм — древесный, пряный, с холодной ноткой бергамота — обволакивает меня, дурманит.

Артем оказывается так близко, что я вижу свое испуганное отражение в его темных зрачках, чувствую тепло его кожи.

Мой прерывистый вздох застревает в горле... и его губы касаются моих.

Я замираю.

Они теплые. Удивительно мягкие. И нежные. Совершенно не такие, как я себе представляла. В них нет грубости, нет натиска, только легкое, почти вопросительное прикосновение, от которого по всему телу разливается сладкая, теплая волна. Это длится всего секунду, но у меня внутри все переворачивается с ног на голову.

Артем отстраняется первым. И какая-то часть меня — глупая, пьяная, одинокая — жалеет, что этот поцелуй не длился вечно.

— Приму в качестве аванса, — произносит он хрипло, и его голос звучит чуть глубже, чем обычно. — Доброй ночи, Есения.

Я выхожу из машины на ватных ногах и почти бегу ко входу в гостиницу, не оглядываясь. Всю дорогу до номера я кручу в голове наш поцелуй. Губы до сих пор горят от этого мимолетного, парадоксально нежного прикосновения. Я не верю, что он меня поцеловал. После того, что случилось в кабинете, от Артема Царева я ожидала грубого пожирания моего рта. Но вместо этого была... почти ласка.

Это сбивает с толку, пугает и смущает еще сильнее.

С дрожащими руками я вставляю ключ-карту в замок. Вхожу в номер. Не включая света, прислоняюсь спиной к закрытой двери, пытаюсь перевести дух.

И замираю, когда щелкает выключатель над кроватью.

На ней, сторбившись, сидит Леша.

Ужас сковывает меня.

— Ну что, шлюха, — сипит муж, и его лицо расплывается в уродливой ухмылке. — Нагулялась?

Глава 14. Нагулялась?

— Ну что, шлюха, нагулялась? — В голосе мужа неприкрытая угроза, а в глазах мой приговор.

Он медленно поднимается с постели.

Задерживаю дыхание, как перед прыжком в ледяную воду.

Паника стучит молоточками в висках. Сердце проваливается куда-то в пятки, вдоль позвоночника прокатывается кипяток.

Бежать!

Секундная заминка, и я резко поворачиваю дверную ручку и выскакиваю обратно в коридор.

Бежать, бежать, бежать!

Мне удастся сделать несколько шагов на шпильках, когда он железной хваткой впивается в мои волосы, резко дергая голову назад.

В глазах белая вспышка.

Больно!

— Далеко собралась, сука?! — шипит муж и другой рукой грубо затыкает мне рот.

Мычу, царапая ему ладонь, пока он волоком тащит меня обратно. Теряю по пути туфли.

Хлопок двери отрезает последнюю надежду. Он швыряет меня на кровать. Я отползаю к изголовью, сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет.

— Я буду кричать, — едва справляясь с голосом, хриплю.

— Обязательно, — зло роняет Леша, а потом хватается меня за лодыжку. — Ты у меня, сука, шас так запоешь!..

Рывок. Меня с силой стаскивают на край кровати. Я пытаюсь ударить его, оттолкнуть, но хлесткая пощечина оглушает, заставляя мир поплыть. В следующее мгновение его рука сжимает мое горло стальной удавкой.

— Натрахалась, мразь?! — рычит он мне в лицо, все сильнее сжимая пальцы.

В его расширенных зрачках плещется безумие, лицо перекошено от гнева.

— А-ах... — только и могу просипеть. Вцепляюсь когтями в его руки, царапаю, но мои усилия — как тычки муравья против слона. В голове начинает плыть, темные пятна танцуют перед глазами.

— Весь день за тобой следил, сука! Вырядилась как блядь! — он орет, брызгая слюной.

Его пальцы сжимаются еще сильнее, и я уже почти готова провалиться в эту черноту, но вдруг хватка ослабевает.

Я судорожно, с хрипом втягиваю воздух, закашливаюсь.

— У ебара твоего крутая тачка! Значит, и бабки водятся. Где деньги, шлюха?! — визжит Леша, нависая надо мной. — И попробуй мне только солгать, что их у тебя нет! Врач мне все рассказал! Для старухи полтора ляма за сутки нашла!..

— На карте... — с трудом выдавливаю я, понимая, что это единственный шанс. — Все там... Отдам... Забери все...

Леша находит мою сумочку, вываливает ее содержимое на пол. Подхватывает телефон и черную карту, что дал мне Царев.

Он что-то читает на экране, а потом поднимает на меня бешеный взгляд.

— Твой ебарь желает тебе добрых снов. Добрых снов, блядь!

Муж с ревом швыряет телефон в стену. Стекло экрана разлетается на осколки.

— Сука! Сука! Сука-а-а!

В ярости он с размаху бьет кулаком в телевизор, следом с грохотом опрокидывает тумбочку. Хватает торшер и со всей силы запускает его в зеркало. Треснувшее стекло усеивает пол осколками.

Он громит все вокруг, изрыгая проклятия и мат, а я сжимаюсь, пытаюсь стать незаметной. Господи, помоги!

Вдруг муж замирает, тяжело дыша. Его взгляд медленно, с трудом фокусируется на мне. В его глазах — новая, страшная решимость.

— Иди-ка сюда, — сипит он, и по его лицу расползается уродливая ухмылка.

Мне становится жутко от его взгляда. Леша расстегивает пуговицу на джинсах

— Маленькая шлюшка, забыла, наверное, на что твой законный муж способен? Сейчас исправим...

Он набрасывается на меня.

Я визжу, пытаюсь вырваться, оттолкнуть его, но он всей своей тушей прижимает меня к кровати.

Заламывает мне руку за спину. Я чувствую, как задирается платье. А потом колено грубо раздвигает мои ноги.

— Нет! Леша, не-е-ет! Перестань! — рыдаю я, но он одной рукой вжимает мое лицо в матрас, заглушая мои крики, а другой шарит по мне.

Треск порванного белья, следом тяжесть тела.

— Расслабься, сука! — шипит Леша, обдавая меня перегаром.

Я замираю, рыдания сдавливают грудь.

Это конец.

И в этот самый миг, когда надежды уже не осталось, раздается оглушительный грохот.

Я сначала не могу поверить своим ушам, но следом что-то сдергивает с меня тело мужа.

Сворачиваюсь в комок, закрывая ладонями лицо. Я слышу звуки борьбы — тяжелое дыхание, глухие удары, сдавленный хрип и треск стекла.

Что-то с грохотом падает на пол. Стон, быстрые шаги, и наступает оглушительная тишина.

Я лежу, не дыша. Не в силах пошевелиться. Тело бьет в ознобе.

— Есения, — произносит до боли знакомый голос. Хриплый, натянутый как струна.

Вздрагиваю и медленно, боясь увидеть продолжение кошмара, разжимаю пальцы и открываю глаза.

Рядом стоит Артем Царев. Рукава его когда-то белой рубашки закатаны, на костяшках рук — ссадины и кровь. Грудь тяжело вздымается, а в глазах, обычно таких холодных и насмешливых, клубится непроглядная, первобытная тьма. В них нет ни капли прежней отстраненности — только дикая, необузданная ярость, едва сдерживаемая железной волей.

Я шарю взглядом по разгромленному номеру, но Леша нигде нет.

— Он... — пытаюсь я прошептать, но голоса нет.

— Сбежал, — отвечает на мой невысказанный вопрос Артем. — Но далеко он не уйдет. И больше никогда не тронет тебя.

В его голосе лед и что-то такое зловещее, что меня окатывает страхом, как приливной волной.

Из меня вырывается всхлип. За ним — еще один. И через секунду все тело сотрясают рыдания, такие громкие и горькие, что, кажется, вот-вот разорвется грудь.

Я плачу навзрыд, прижимая к себе обрывки платья, выплескивая весь пережитый ужас, всю накопившуюся боль. Мне так страшно!

Чувствую, как рядом прогибается матрас.

Артем...

Я хочу попросить, чтобы он не уходил, но не могу вымолвить ни слова. Не осознаю, когда тянусь к нему. Тянусь всем своим израненным существом. Руки сами находят его шею, я прижимаюсь к его груди, к его испачканной кровью рубашке.

Ищу спасения в том, кто еще недавно казался моим палачом... и стал ангелом-хранителем.

Я уверена, что он меня оттолкнет. Вот сейчас. Сейчас разомкнет мои руки и скажет что-то отрезвляюще-ледяное.

Но происходит невероятное.

Мой холодный, циничный босс... обнимает меня в ответ.

Глава 15. Солнце

Есения

Представьте космос. Огромное пространство без капли тепла, раскинувшееся на триллионы триллионов световых дней.

И в этой ледяной пустоте вы — всего лишь крохотная песчинка.

Представили?

А теперь забросьте эту песчинку на самый край Вселенной.

Та песчинка — я.

Именно так я себя ощущала до того мгновения, как сильные руки обхватили меня.

Артем прижимает мою голову к плечу, глуша рыдания.

Он не говорит ни слова.

Просто держит. Крепко. Почти больно. Как будто я что-то хрупкое и бесконечно ценное, что он только что отвоевал у тьмы.

Большое, горячее тело излучает непривычное тепло, как солнце, вдруг появившееся в том уголке бездушного космоса, куда меня вышвырнуло после истерики.

Замираю. Все внутри сжимается, а потом... растворяется в этом тепле.

Жадно напиваюсь им, как долгожданным дождем после продолжительной и выматывающей засухи.

Я чувствую, как бьется его сердце — часто, сильно, ритмично. Оно стучит в унисон с моим. И в этой жуткой, сюрреалистичной тишине, среди осколков стекла и обломков мебели, это биение кажется единственным настоящим.

Неосознанно подстраиваю свое сбивчивое дыхание под этот гипнотический такт.

Тут-тум. Тум-тум.

Я не знаю, сколько длится эта странная пауза. Может, секунду. Может, вечность.

Но мне страшно разжать сведенные судорогой пальцы и отпустить Артема.

Кажется, что тогда кошмар вернется.

— Он не придет, — рокошет в груди Царева.

Кажется, я произнесла это вслух.

Я поднимаю на него заплаканные глаза. Его взгляд прикован к моему лицу. Ярость в его глазах поутихла, сменившись чем-то другим. Чем-то глубоким, незнакомым и пугающим.

Он медленно проводит большим пальцем по моей щеке, стирая слезу. Его прикосновение обжигает.

— Прости. — Отодвигаюсь, чувствуя острый укол стыда.

Мне неловко, что он стал свидетелем этой ужасной сцены.

Шарю глазами по развороченному номеру. Осколки стекла на полу ловят блики, зеркало щерится на нас множеством отражений.

Чувствую себя точно также — разбитой вдребезги...

Кажется, я вообще не понимаю, что мне делать дальше.

Артем, отстранившись смотрит на меня, на мое разорванное платье, на синяки, проступающие на коже. Его взгляд становится тяжелым.

Не говоря ни слова он уходит в ванную и возвращается с халатом в руках.

Верите, эти несколько секунд я даже не дышала! Мне хотелось пиявкой вцепиться в Царева и не отпускать.

— Прости, прости, прости, — повторяю свою мантру, избегая снова смотреть ему в глаза.

Он злится. И мне кажется, что на меня.

Мне теперь постоянно что-то кажется.

Вздрагиваю от хлопка двери в коридоре и вжимаю голову в плечи.

Артем закутывает меня в халат и произносит:

— Поехали.

— К-куда? — лепечу растерянно. Мой вопрос остается без ответа.

Артем тянет меня за собой, и я послушно перебираю ногами.

Стекло больно впивается в ступни, но я бы сейчас и по раскаленным углям прошла, лишь бы быть как можно дальше отсюда.

Администратор за стойкой бросает на меня странный взгляд, а потом впивается в лицо Артема.

Боже, он подумала, что это он меня так?

Мне хочется накричать на нее за это. А еще за то, что пустила в мой номер неадекватного мужа. Но сил нет. Их вообще во мне осталось на доньшке.

Я не задаю больше вопросов, пока усаживаюсь в халате на заднее сиденье такси. Артем занимает место рядом с водителем, будто со мной сидеть теперь зазорно.

Слепо смотрю в окно, едва ли видя, куда меня везут.

Отупение какое-то. Мне все равно.

Устало прикрываю веки, а когда распахиваю их — впереди, за коваными воротами, виднеется громада дома.

Царев хлопает пассажирской дверью.

Я даже пискнуть не успеваю, когда он подхватывает меня на руки и шагает к освещенному фонарями крыльцу.

— Куда мы приехали? — разлепляю потрескавшиеся губы.

— Туда, где тебя никто не найдет. — Невесело ухмыляется Артем. — Ко мне домой.

Глава 16. Самообман

Есения

Два дня я не покидаю свою комнату.

Первые сутки просто стираются из памяти. Я сплю так, будто провалилась в глубокую бездну. Без сновидений и желания что-то делать.

Кто-то позаботился о темных шторах на окнах, и в короткие периоды бодрствования меня окружают тишина и темнота. Будят меня обычно жажда или противоположное желание, и тогда я совершаю короткий забег в туалет.

Голод ощущается так отдаленно, что я с легкостью его игнорирую.

На прикроватной тумбочке телефон — не мой — с двумя вбитыми контактами.

Первый — Артем, второй — сиделка, которая неожиданно появилась у моей мамы. Она исправно докладывает мне о ее состоянии.

Операция прошла успешно, прогноз врачей благоприятный, и завтра маму переводят из ПИТа* в обычную палату.

Наверное, я плохая дочь.

Наверное, мне стоило бежать в больницу босиком и спать на полу, рядом с маминой койкой. Но впервые в жизни мне не стыдно за то, что я лежу и не двигаюсь.

Пользуюсь этой передышкой, боясь лишний раз повернуться. Мне все время кажется, что я тогда рассыплюсь на тысячи мелких осколков.

Почему же я не замечала раньше, какой жестокий и бездушный монстр прячется за оболочкой моего мужа?

Любовь слепа?

Не знаю. У меня нет правильного ответа на этот вопрос.

«Леша ведь не всегда был таким», — именно с этой фразы я всякий раз оправдывала его безумства.

«Я благодарна ему, что он вытащил меня из нищеты и привез в город», — обычно произносила следом.

«Мне больше некуда уйти», — а это финалочка.

Но правда в том, что я просто дура и жуткая трусиха.

Последний год я прожила в страхе, что Леша что-то сделает маме. А он, будто издеваясь, намекал, что теще уже прогулы ставят на кладбище.

И я терпела. Сглаживала углы, как могла. И верила. Верила в то, что говорила.

Великий самообман.

И куда он меня привел?

В постель к еще одному чудовищу. Только этот не будет издеваться открыто. Нет, Артем Царев скорее вытащит мою душу, препарирует и будет наблюдать, как я корчусь на костре своих принципов.

Тоненько колет изнутри осознание, что я, возможно, несправедлива к нему. Но я безжалостно отбрасываю эту мысль и снова засыпаю.

— Вставай! — отрывистый голос Царева проникает в мозг.

Следом слышу шорох, и волна света заставляет зажмуриться.

Сквозь слезы слежу за боссом. Артем ходит по комнате, напоминая хищника, запертого в клетке.

Слежу за ним из-за спутанных волос.

На нем идеально сидящие рубашка и брюки — лаконичный черный очень ему идет. Артем и правда похож на пантеру, ткань обрисовывает каждый мускул.

— Ты третьи сутки безвылазно здесь торчишь, — ворчит он, наконец бросая на меня недовольный взгляд.

— И что? — каркаю, как ворона, и сажусь, подтягивая колени к груди.

— А то, что я не хочу отвечать на вопросы полиции, если кому-то в голову придет объявить тебя...

Он резко замолкает и смотрит на меня своими холодными глазами.

Слишком пристально смотрит... а через мгновение отворачивается к окну.

— Есения, ты не могла бы прикрыться, — глухо произносит, засовывая руки в карманы брюк.

Непонимающе оглядываю себя и, чотыхаясь, поправляю сползшее одеяло.

Черт! Я тут с голой грудью сидела!

— Прости, — выдавливаю из себя.

Даже не знаю, за что больше извиняюсь — за то, что провалялась здесь, или за обнаженку.

Платье и белье я, кажется скинула в ванной еще вчера.

Артем стреляет взглядом в мою сторону.

— Собирайся, у тебя полчаса.

— Пончаса? Куда... куда мы едем? — растерянно оглядываюсь.

Я не хочу покидать эти стены. Я с ними почти сроднилась!

— Разводиться. Жду внизу, — бросает зло Артем и оставляет меня одну.

* — палата интенсивной терапии, прим.автора

#####

Дорогие наши, хотим пригласить вас в шикарную новинку!

Лена Лето, Мария Птахова «**Бывшие. Чужая невеста**»

<https://litnet.com/shrt/Slud>

Я знаю, что так делать нельзя. Знаю, что веду себя как полный урод, — но хватаю ее за локоть, резко разворачиваю и тяну на себя. И, когда она падает в мои объятия, пока ничего не успевает понять, я ее целую. Мну ее губы, проникаю в рот языком.
 Я счастлив, меня разрывает от этого кайфа, от ее вкуса, дурманящего запаха. Я чувствую всю ту же цепочку на шее и прохладные уши под моими ладонями, когда удерживаю ее голову, чтобы, не дай бог, не сорвалась, не сейчас...
 Меня так штормит, что я даже понять не могу, согласна она или нет, чувствую только, как стискивает пальцами мою рубашку на груди. Наше соприкосновение языков — это удар молнии прямо в голову, это пожар.
 Лера, ты не моя, уже нет. Но я не могу тебя отпустить. Я буду за тебя бороться!

 Продолжение через день.

 ## сильные чувства
 ## разница в возрасте
 ## эмоционально, откровенно
 ## ХЭ

 Бесплатная предыстория <https://litnet.com/shrt/uC0d>

Читатъ <https://litnet.com/shrt/gfTB>

Глава 17. Адвокат дьявола

Есения

— Глеб. — Рослый шатен поднимается из-за стола и, слегка прихрамывая, двигается мне навстречу.

— Есения.

Я пожимаю протянутую ладонь, стараясь не пялиться слишком откровенно на его шрамы. Посветлевшие рубцы пересекают левую бровь и висок, один выглядывает из-под воротника белоснежной рубашки.

Но я бы sluкавила, сказав, что они портят этого мужчину. Скорее придают его образу таинственности.

Глеб Захаров, по словам Артема, лучший адвокат по бракоразводным процессам. А если верить гуглу, то он самый настоящий адвокат дьявола.

Безупречная репутация, ни одного проигранного дела, громкие и резонансные судебные процессы — как тут не заподозрить покровительство темных сил?

— Проходите, Есения, с бумагами я уже ознакомился. — Глеб указывает на кресло. — Чай? Кофе? Нам есть что обсудить.

Внешне Глеб мало походит на Артема Царева. Но в его манере держаться, в том, как он смотрит оценивающим, цепким взглядом, в непоколебимой уверенности, исходившей от него каждой порой, угадывается тот же хищный архетип, что и в Артеме.

Тот, кто чует слабость и знает, как ею воспользоваться.

Вот только Глеб Захаров терзает добычу в правовом поле, откусывая самые сочные куски от семейных бюджетов.

— Не переживайте. Для меня это — рядовое дело, — произносит он, и в его голосе звучит не гордость, а простая констатация факта, как о том, что дождь мокрый. — Ваш бывший муж даже не поймет, как останется в одних трусах.

Я верю этому мужчине, но все же не удерживаюсь от вопроса:

— Скажите, Глеб, почему вы мне помогаете?

Он недоуменно поднимает бровь. Я поспешно объясняю:

— Вы ведь давно не занимаетесь рядовыми случаями. — Для наглядности я указываю на «стену славы» с вырезками из газет в рамках. — У вас самые громкие и скандальные дела, к чему вам лично возиться с таким рядовым случаем, как мой?

Глеб усмехается, сложив ладони домиком.

— Понимаете, Есения, есть люди, которым я всегда пойду навстречу. И в вашем случае Артем очень настойчиво попросил меня помочь.

При этом его зеленые глаза смотрят на меня так, будто видят насквозь. Будто для Глеба не секрет то, что я — игрушка Артема Царева.

Смутившись, я покидаю дьявольскую обитель в странных чувствах.

Артем оставил со мной водителя, и не его вопрос — куда едем, я тихо произношу:

— Я бы хотела доехать до больницы.

Час у постели мамы пролетает как одна минута.

Я стараюсь говорить с ней на отвлеченные темы, избегая неудобных вопросов. Лишь признаюсь, что подала на развод.

— Ты всегда была сильной, доченька, — шепчет мама, сжимая мои пальцы. — Береги себя.

Вернувшись в дом Артема, снова сбегая в «свою» комнату. И до самого ужина валяюсь на кровати, смотрю в окно и копаюсь в себе.

Я и Артем. Под одной крышей. Сомневаюсь, что девицы здесь частые гости. И уж тем более те, с кем он просто желает провести весело время. Иначе бы Артем привез меня сюда сразу же после ресторана.

Я не понимаю, что теперь между нами. Как мне себя вести с ним?

Он купил меня, да. Унизил, да.

Но... всегда есть это пресловутое «но».

Артем дал мне надежду, помог моей матери, хотя мог этого не делать.

Он каким-то чудом вернулся и спас меня от обезумевшего мужа.

А теперь вот свел с самым удачливым адвокатом.

И все это Артем проделал, не потребовав платы.

Глупо думать, что мой циничный босс заделался в альтруисты или воспылал ко мне чувствами, далекими от похоти.

Из нас двоих только я заложница иллюзий. У Артема их просто нет.

И я жду подвоха. Жду, когда же он предъявит счет.

А я... я буду платить, надеясь, что мне больше не придется плакать.

Глава 18. Философ

Артем

Имран сидит напротив, его массивная фигура кажется особенно монументальной в полумраке кабинета. Друг мрачно перебирает в руке четки. Гладкие блестящие бусины издают еле слышный стук.

— Бугра не стало, — он первым разбивает тишину.

— Знаю. — Делаю затяжку, выпуская дым. — Сердце?

— Говорят, да. — Имран нехорошо усмехается. — Сомневаюсь, что оно у этого старого беса было.

— И что же, город уже взвыл от потери?

Имран кивает:

— Как шакалы сбежались на запах мертвой туши. Каждому хочется урвать кусок посочнее. — Он задумчиво трет заросший темной бородой подборок. — Вот только говорят, что уже нашелся новый вожак. Из бывших бугровских же. Ему даже прозвище уже дали. Философ. Слышал о таком?

Щелчки бусин становятся чаще и громче, выдавая степень раздражения их хозяина.

Тянусь к бокалу с виски.

— Читает Ницше, а методы как у самого последнего гопника, — произношу, делая глоток. — Клец недавно приходил. От него. Сказал, что приносит соболезнования по поводу кончины нашего «общего уважаемого друга». И что, к сожалению, некоторые «неформальные договоренности», которые у меня были с Бугром, больше не имеют силы.

— Философ заинтересовался старыми схемами Бугра и хочет отмывать бабло, — Имран быстро соображает, о чем я. — А я ведь тебя предупреждал, что так будет.

В его голосе плохо скрываемое осуждение.

— У меня не было другого выбора тогда.

— Выбор есть всегда, — не соглашается он.

А я снова пью.

— Ну да. Особенно, когда отец нашел меня и забрал из той дыры, куда меня выбросила мать. Охуеть, какой у меня был выбор! — В моих словах застарелая горечь.

Между бровей Имрана появляется вертикальная морщина.

— Аллах учит проявлять почтение к родителям, и я ничего дурного не скажу ни о твоей матери, ни об отце. Но ты и сам знаешь, каков он был на самом деле.

Мой отец не был святым человеком. Это правда. Но я все равно благодарен ему.

— После его смерти бизнес все равно бы попилили. А так... хоть что-то удалось спасти.

— Разгребать дерьмо за младшим братом, ты хотел сказать.

Имран, как обычно, говорит то, что думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.